

Среди остатковъ стараго творчества духа и богатства природы.

II.

се болѣе и болѣе я отдавался созерцанію глубокой старины, скорбѣлъ за исчезающую ея красоту, но все еще озаренную свѣтомъ чудныхъ сказаній.

Передо мной проходили правильной чередой событія, какъ бы пробудившіяся послѣ столѣтняго сна; они приносили съ собой всю дивную красоту и художественность прошлаго.

Шумъ приближающихся шаговъ и говоръ нарушили тишину лѣса; старикъ извозчикъ велъ за собой челоуѣка громаднато роста.

По хриплому голосу я узналъ доѣзжачаго Дмитрія. Дмитрій давно служилъ у Н. Онъ хорошо зналъ меня и радостно насъ встрѣтилъ.

Извозчикъ долго объяснялъ намъ, какъ онъ, разыскивая дорогу, случайно забрелъ на псарню Дмитрія, живущаго одиноко въ лѣсу, со своими гончими. Теперь я вспомнилъ и псарню, дорогу и лѣсъ.

Псарня стояла по ту сторону рѣки; намъ предстояло только переѣхать мостъ и мы были бы давно въ усадьбѣ. Поблагодаривъ Дмитрія, мы тронулись къ мосту, а Дмитрій, свистнувъ старому гончему кобелю «Добываю», пошелъ ближайшей дорогой къ себѣ въ лѣсъ.

«Добывай»—это гордость и красота чудной стаи г. Н. «Добывай» къ 2-мъ осенямъ получилъ на выставкѣ Императорскаго Общества Охоты золотую медаль и призъ за лучшую русскую гончую.

Скоро мы въѣзжали въ усадьбу.

Большой господскій домъ надвигался на насъ чернымъ силуэтомъ; ни въ одномъ окнѣ его не было видно огня, все спало.

Я вынулъ часы; было два ночи.

Царила полная тишина. Луна медленно выходила изъ облаковъ, освѣщая блѣднымъ свѣтомъ все.

Силуэтъ дома исчезалъ; стали вырисовываться колонки, балочки и рѣзба когда-то моднаго Ропетовскаго стиля.

На осторожный стукъ въ дверь, въ окнахъ дома замелькалъ огонекъ.

Привѣтливо улыбаясь, съ лампой въ рукѣ, встрѣчалъ насъ латышъ управляющій.

Архитекторъ, не отвѣчая на поклонъ управляющаго, молча слѣдовалъ за мной.

Раздѣвшись, мы были въ большой столовой.

Архитекторъ присѣлъ у стола. Незамѣтно придвинулъ онъ къ себѣ большое блюдо, покрытое салфеткой.

Подъ салфеткой лежало нѣсколько жареныхъ вальдшнеповъ.

Архитекторъ принялся за ужинъ; управляющій поспѣшилъ предложить ему съ дороги выпить водки. Въ моментъ, какъ водки, такъ и двухъ вальдшнеповъ, какъ не бывало.

Теперь архитекторъ былъ доволенъ. Мнѣ казалось, онъ забылъ всѣ страхи и неудобства дороги.

Едва поднявшись наверхъ, гдѣ были приготовлены намъ комнаты, архитекторъ, растянувшись на чистой постели, уже храпѣлъ.

Скоро должно было свѣтать.

Спать не хотѣлось. Свѣжесть зари. Чудное утро, въ обществѣ съ природой. Сколько новыхъ особенныхъ впечатлѣній. Съ высокаго балкона видны поля,—они вѣромъ раскинулись передъ домомъ,—дороги скрещивались, переплетались и расходились въ стороны. Подстриженные кустарники рѣдкихъ породъ переливались въ разные тона осени и окаймляли собой усадьбу. Отъ высокихъ старыхъ старыхъ липъ парка вѣяло какой-то добротой.

Недалеко, среди выгона, пасется спокойно табунъ одно-
мастныхъ охотничьихъ лошадей; онѣ только что приведены
съ Кавказа.

Къ оврагу видна псарня.

Отдѣлившись отъ табуна, ходить чудный караковый конь
«Батырь»; онѣ часто поднимаетъ голову, настороживъ уши;
онѣ какъ бы къ чему-то прислушивается.

Разсказывали, что «Батырь» трудно подходитъ къ ру-
камъ; онѣ скучаетъ; на глазахъ его нерѣдко видятъ слезы.

«Батырь» не можетъ забыть свистка паровоза. Свистъ
этотъ сопровождалъ его во время, когда онѣ все дальше и
дальше уѣзжалъ отъ родныхъ горъ. По этому свисту онѣ
думаетъ найти дорогу опять туда, въ горы. Онѣ постоянно
прислушивается къ свисту паровоза и не разъ убѣгалъ на
линію дороги.

Безконечные лѣса тянулись къ далекому горизонту.

Около видѣвшейся желтой древней церкви XVI вѣка,
по преданію, народилось имѣніе **Алексы Яковлевича Чул-**
кова, псоваго охотника, счастливца времени Елизаветы
Петровны.

За имѣніемъ будто бы тянется «Волчья Роца» (Волко-
бойня), гдѣ водились волки и куда пріѣзжала на охоту
Елизавета Петровна, по отзывамъ современниковъ, съ ра-
бомъ своего сердца, Чулковымъ, и красавцемъ Шубинымъ.

Елизавета Петровна предпочитала псовую охоту соко-
линой.

Царица была страстная охотница травить зайцевъ.

Около «Волчьей Роцы» были хоромы для пріѣзда им-
ператрицы, охотный дворъ и псарня.

Здѣсь же, вечерами, послѣ охоты, Елизавета Петровна
любила шумно веселиться.

Сама царевна, подъ вліяніемъ бархатнаго пивца и слад-
каго меду, да разымчатой бражки, бойко и мастерски носи-
лась въ русской пляскѣ, до которой всегда была большая
охотница. Обладая прекраснымъ голосомъ, она сама сочиняла
и пѣла народныя пѣсни. Всегда, во всей этой вереницѣ
гульливаго народа, блисталъ красавецъ Алексѣй Яковлевичъ
Шубинъ, сынъ бѣднаго помѣщика Владимирской губерніи.

Тѣсно связанный съ псовой охотой, лошадиный спортъ тоже не былъ забытъ. Ъзда на лихой тройкѣ, управляемой всегда самой царевной, была любимой потѣхой.

До сего времени сохранились остатки большого «конюшеннаго двора», вмѣщавшаго въ себя отборныхъ и досуженныхъ коней, приведенныхъ отъ степей съ низовьевъ Волги.

Архитектура двора, такъ называемая, московская—Петровскихъ временъ. Громадная арка открываетъ выѣздъ изъ двора на обширный лугъ, гдѣ нерѣдко царевна, окруженная блестящей свитой, любовалась выводкой лошадей и собакъ.

Солнце стало уже подниматься; усадьба пробуждалась; первыми, одна за другой, прошли на скотномъ дворѣ дойки, всѣ въ бѣлыхъ чепцахъ и передникахъ.

Неуклюжее зданіе скотнаго двора, выстроенное моимъ снутникомъ архитекторомъ, зіяло открытыми громадными дверями. Типомъ своимъ дворъ скотный напоминалъ скорѣй паровозный сарай. Теперь уже надъ псарней закурился синей струйкой дымокъ. Вѣроятно варщики спѣшили подтопить котелъ, а, можетъ быть, и готовятся люди въ проѣздку съ борзыми.

Меня невольно потянуло къ псарнѣ.

Тихо, боясь разбудить хозяина дома, я сошелъ внизъ, въ вестибюль, гдѣ по угламъ стояли дорогія охотничьи ружья и удочки, на стульяхъ валялись патроны, сумки, ошейники; все это изобличало, что хозяинъ страстный охотникъ.

Въ одномъ изъ угловъ вестибюля находилось чудное изваяніе изъ мрамора—голова борзой. Въ этомъ мраморѣ художникъ сохранилъ всю индивидуальность этой рѣдкой породы.

Не разъ я видалъ эту собаку живой. Чудную свору составляли тогда вмѣстѣ съ ней двѣ другихъ.

Однажды извѣстный профессоръ-скульпторъ В. С. Б—скій задумалъ лѣпить группу борзыхъ, не довольствуясь щегольскими въ завиткахъ и на тонкихъ ножкахъ, современными собаками, вѣчно меланхоличными и вялыми. Ему нужна была сильная мускулистая, какъ бы античная собака.

Кто-то изъ охотниковъ сказалъ В. С., что видимый имъ типъ борзыхъ у Н. подходитъ для его художественнаго исполненія. В. С. попросилъ меня поѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ Н. и попросилъ его показать ему борзыхъ.

Два красавца кобеля вихремъ влетѣли къ намъ въ залъ, съ блестящимъ поломъ, дорогими зеркалами, хрустальными люстрами и бронзой въ стилѣ ампира.

День былъ чудный; солнце яркими лучами врывалось въ огромныя окна; на бѣлой псовинѣ собакъ отражались и переливались рефлексъ всего зала. Едва сдерживаемая, свора съ красиво напряженными мускулами, скользя по паркету, едва касалась его ноготками. Фигуры собакъ въ этихъ постановкахъ какъ бы стремились въ пространство. Даваемые ими линіи движенія были хаотически красивы и бурны. Въ то же время онѣ мягко сочетались между собой и блестящимъ фономъ. Типы этихъ мощныхъ кобелей произвели на насъ чарующее впечатлѣніе.

— Да. Это сама стихія... воскликнулъ профессоръ. — Дѣйствительно, сколько движенія и могущества было въ этихъ чудныхъ собакахъ. Послѣ въ мастерской я просилъ профессора набросать хотя эскизъ видѣнныхъ имъ собакъ.

Да развѣ возможно? Да развѣ въ силахъ художникъ передать всѣ линіи движенія, полныя стремленія, силы и злобы? Мы съ вами видѣли моментъ, мгновеніе... Но такое мгновеніе, которое останется на всю жизнь.

Правда, прошли годы, десятки ихъ, а картина эта передъ глазами у меня и сейчасъ. Потомства этихъ собакъ не осталось. Собаки эти пали жертвой людской мести и злобы. Какъ-то случайно удалось снять съ головы одной изъ собакъ мертвой гипсовую маску и по этой маскѣ ученикомъ профессора была высѣчена изъ мрамора голова этой рѣдкой собаки, теперь такъ кстати украшающая стѣны дома такого страстнаго охотника, какъ Н.

А. Евсѣевъ.

